

А.Х. Газдарова

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ: НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ В ПОВЕСТИ НАФИ ДЖУСОЙТЫ «ВОЗВРАЩЕНИЕ УРУЗМАГА»

А.Х. Газдарова

Аннотация. В статье освещаются нравственные и философские аспекты идейно-художественного содержания повести народного писателя Осетии Нафи Джусойты «Возвращение Урузмага». Рассмотрена проблематика, непосредственно связанная с осмыслением психологии осетина советской эпохи, с поиском смысла жизни и с утверждением положительных ценностных ориентаций; показано, как решаются в повести извечные вопросы человеческого бытия; выявлены пафос и идея произведения.

Ключевые слова: деревенская тема, повесть, жизнь и смерть, страх смерти, бессмертие, человеческое достоинство, тема дороги, национальный этикет.

Углубление нравственного и философского аспектов в осетинской литературе 70-х гг. XX в. было непосредственно связано с необходимостью осмысления общественной ситуации, с поиском смысла жизни и ценностных ориентаций. Для верного понимания и решения проблем человеческого бытия чрезвычайно много можно почерпнуть из «...нашей нравственной философии, уходящей корнями своими в народную традицию и получившей свое крайне плодотворное развитие уже в русле классической литературы» [5, с. 48]. Она – в напряженности вопроса о смысле жизни, в первозданности звучания темы «жизнь» и «смерть», в стремлении вечной жизнью природы выверить органические законы бытия человека и понять как приобретения, так и потери в жизни современного человека.

Эти проблемы глубоко волновали и волнуют Нафи Джусойты. Именно этим вызвано его постоянное обращение к теме «деревенской жизни», в которой он находит глубинные источники и основания бытия народа, его мудрости и жизнестойкости. Эти проблемы нашли свое художественное воплощение в повестях книги «Реки вспять не текут».

Повести «учительные», но мы не встретим в них открытой публицистичности, прямого морализирования. Времена меняются. Осетины покинули горы, и опустевшие горы являются одной из важнейших проблем и в какой-то мере символом национальной жизни осетин. Нафи Джусойты в своей повести «Белый-белый снег» впервые обратил внимание на эту национальную потерю, на сужение временных и пространственных границ осетинской нации, сопряженное с большими потерями в характере народа. Он с грустью говорит о тех людях, которые вместе с материнским молоком впитали лучшие национальные черты своих предков, создавали с незапамятных времен до нынешнего дня великолепные обычаи и традиции, школу жизни и мудрости, а теперь обречены на беспомощность в ближайших поколениях. И забыть это никак нельзя, потому что

обычаи и традиции учат человека красоте человеческой, силе, мужеству, чести и достоинству, лучшим чертам человека, которые следует беречь, как зеницу ока.

Эту же проблему автор ставит в повести «Возвращение Урузмага». Читатели и критики дали повести высокую оценку, а журнал «Дружба народов» в свое время назвал ее лучшим литературным произведением года.

В этой повести нет ни переоценки старых ценностей, ни утверждения новых: автор лишь пытается вернуть в человеческий обиход те из них, которые, по его мнению, важны и сегодня, чтобы красоту осетинского национального мировосприятия сделать достоянием человечества (важно подчеркнуть, что «Возвращение Урузмага», как и другие повести указанной книги, на русский язык перевел сам автор).

Его Урузмаг возвращается в родное село из городской больницы, зная, что жить ему осталось два месяца. Но, по сути, это знание мало что меняет в его жизни и психологии, разве что заставляет жить более интенсивно. Дело в том, что смерть для него по-своему так же ритуальна и священна, как жизнь. Именно поэтому он полагает, что если уж суждено умереть, то следует «не опозориться», встретить смерть, как последнее мужественное испытание, достойно. Как встречали ее предки.

«Сюжет не сложен и событиями не богат... Прочитав повесть, невольно вспоминаешь подобную информацию в рассказе Гафеза «Хæс» («Долг»). Здесь Ахмат узнает, что неизлечимо болен раком и ему остается жить недолго. Но умереть ему хочется так, чтобы не оставить после себя изверга Муция. Поэтому увлекает его вместе собой в пропасть» [1, с. 70], – пишет Х. Алборты.

Урузмаг тоже увлекает с собой в могилу своего врага: свои сомнения в благости жизни и страх смерти.

Н. Джусойты ставит в своей повести роковые и неизбежные вопросы и предьявляет своему ге-

рою самые высокие нравственные требования. Эта повесть является гимном мужеству в борьбе между жизнью и смертью.

И, конечно, идейно-художественная сила повести заключается в человеколюбии, в огромном оптимизме и жизнелюбии героя. «Каждый день и даже час жизни Урузмага, несомненно, прожит по законам самой высокой морали» [3], – пишет Наталья Высоцкая в статье «Выйти за пределы».

Урузмаг – это воплощение идеальных норм, глашатай идеи должного, оправдание человека. Стержнем этого характера является совесть – в том ее исконно традиционном звучании, которое цементирует людей в общество. «Совесть, по Достоевскому, – замечает Ю. Карякин в книге «Самообман Раскольникова», – это такое осознание своих мыслей и чувств, будто о них знают все, будто все, что происходит с человеком, происходит на виду у всех... Это внутреннее осознание человеком своего единства, своего родства со всеми людьми, дальними, близкими, умершими и даже еще не родившимися, осознание своей ответственности перед ними. Это – осознание себя в неразрывной связи со всем единым родом человеческим. Это самоконтроль, критерием и ориентиром которого и является такая связь» [7, с. 70]. К этому осознанию и самоконтролю и приходит Урузмаг. Как именно приходит, какие делает шаги на этом пути – вот главный вопрос идейно-художественного содержания повести.

Знакомство с героем происходит при обстоятельствах весьма драматических. Готовясь уже к выписке из больницы, в разговоре со своим соседом по палате Урузмаг узнает, что ему осталось всего два месяца. Взвихренное мгновенным ужасом сознание Урузмага однако каким-то удивительным образом обретает спокойствие. Урузмаг твердо убежден, что у каждого человека своя неповторимая дорога в жизни, даже после смерти она принадлежит ему – значит, отвечать за нее должен ты сам!

В таком случае смерть человека представляет собой неизбежный и необходимый элемент живой связи поколений. Человек рождается для того, чтобы у своих предшественников взять бразды жизни, украсить и обогатить ее душевной красотой, а там и передать ее будущему хозяину земли.

Что такое жизнь, смерть, бессмертие? И одинаково ли волнует этот вопрос каждого человека? «Мне кажется, – говорит повествователь, – что под каждой могильной плитой схоронена... тоска по жизни, по бессмертию» [6, с. 139]. Однако на деле идея произведения гораздо шире этого материалистического построения. На примере Урузмага мы видим: нет абсолютной смерти, которая бы наглухо закрыла, стерла с лица земли благодетельную жизнь индивидуума.

Чрезвычайно важна мысль о смерти сети дум Урузмага. «У него как нет смерти без жизни, так и жизни нет без смерти, и эти две противополож-

ные категории неотделимы друг от друга в его бытии. Оттуда вытекает и его философский тезис отношения к жизни и смерти: если для жизни нужен человек, то для смерти тоже нужен человек! Если жизни достоин человек, то и умирает тоже только человек!» [2].

После выхода из больницы Урузмаг как бы раздвоился, получилось два человека: один из них прожил более 60 лет и знает час своей смерти и ждет ее с сожалением. У другого Урузмага же нет телесной боли, нет у него лица, но он знает душевную боль и отстаивает перед лицом смерти человеческое достоинство и человеческие права. И это – конец и начало образа Урузмага.

Что касается Басила, Зуры и Тода, то они, в сущности, всего лишь отдельные ипостаси одного и того же образа. Но только Урузмаг осознает свою смертность и спешит завершить то, что достойно завершения, что способно приумножить добро на земле.

«Самый критический момент в жизни раскрыл его настоящую душу – она была мягкой и человеколюбивой» [1]. До сих пор ему было не до собственных дел и своей души, он все всматривался в других, в мир, но теперь, перед смертью, его глаза обратились на самого себя, хотя связи с внешней реальной жизнью не прерваны, они как бы проходят через его душу.

Мысли его крутятся вокруг смысла и цели жизни человека. И приводят его в прошлое, а отсюда, от предков, он возвращается к будущему, к грядущим поколениям. Не зря герой Джусойты ассоциируется в сознании читателя с нартом Урузмагом. Тот, нартовский Урузмаг, перед смертью благодетельствовал свой народ. А что же может сделать этот Урузмаг из повести? Многое. И не меньше, чем его нартовский тезка, потому что передать тепло души, жизнелюбие и человеколюбие в самом широком и прямом смысле, передать, когда смерть смотрит ему в глаза, – это подвиг, достойный великого человека.

Но в каких бы конкретных обстоятельствах не жил и не действовал герой повести, все-таки в образе его есть условность. Об этом говорит и его поиск кровного родства с эпическим Урузмагом. И сам автор признает условность этого образа: «Я знал его с детских лет, но не знаю, чей он брат, отец, дед. Твой, мой или не родившегося горца» [6, с. 138]. Мы говорим об условности особого рода, при которой герой вырастает из собственных пределов до значения символического. В таком освещении Урузмаг Джусойты – подлинно народный герой, а не частный обыватель. Важно к тому же, «что позиция автора очень близка к позиции героя повести, и в этом родстве, в этой близости ярко отразились его мысли, его мироощущение, его понимание человеческой миссии» [1].

На пороге смерти, понимая ее неизбежность, Урузмаг продолжает жить по-прежнему, созидая. Больше того, он становится лучше и чище преж-

него, здорового Урузмага. Именно поэтому, как нам представляется, в названии повести стоит слово «возвращение», а не «прощание». Возвращается Урузмаг – к самому себе.

Особое место в повести занимает тема дороги, но не в тривиальном смысле. Возвращается Урузмаг... Куда? В родное село, откуда четыре месяца назад уехал лечиться, где прошли его беззаботное детство и полное светлых упований юношество; к Пастушьей чинаре, под тенью которой укрывался в знойные летние дни, когда пас овец. И не только в родные места возвращается Урузмаг.

Возвращается Урузмаг к суровым, но праведным обычаям предков. Он должен в родном очаге собрать все оставшиеся силы и лицом к лицу с честью встретиться со смертью. Эти «два месяца», что ему остались, надо прожить, пройдя достойно жизненную стезю до конца. Мысль о дороге не выходит у него из головы, не оставляет его в покое: «Твоя дорога от колыбели до порога, от порога до пашни, спину за плугом гнуть. Твоя дорога дальше соседней деревни не идет. Дальше тебе дороги не было. И ходил ты по ней пешочком. Правда, иной раз ездил, но на старой кляче. И так до самой могилы. И все!..» [6, с. 27].

Нет конца дорогам жизни, но быстро приближается конец главной дороги. Об этом и тревожится Урузмаг. Знает, что никому не удастся остаться на этом свете: «Я вот думаю, как она может измениться, судьба человека, когда дорога жизни так коротка? Всего один локоть, и никто не может к ней ни вершка прибавить – ни Бог, ни профессор. Верно, в мире всего много стало, и каждый может идти, куда сердцу приглянется, а дорога жизни все так же коротка. И все ездят, летают, торопятся куда-то, суетятся, но что с того, в том ли счастье? Этак ведь жизнь пройдет, а перед смертью родной матери лицо не вспомнишь – некогда было людям в лицо смотреть, торопился! А разве это по-людски?..» [6, с. 28].

С естественным для человека страхом смерти связан психологизм повести Н. Джусойты. Достойно ли это – именно страх смерти – человека? Может быть, жизнь и не стоит продлевать, а «лучше, – как говорит себе Урузмаг, – вовремя умереть»? Но ведь и страх «тоже не грех – разве легко видеть, как твоя дорога в черную яму обрывается, а тебе до той ямы всего-то шаг шагнуть...» [6, с. 30]. Постепенно Урузмаг приходит к убеждению, что это справедливо, что не должен человек знать о сроке своей смерти. Страх смерти хуже самой смерти, он рубит жизнь на корню.

Огромная ноша легла на плечи Урузмага, в смертельную схватку вступили страх и человеческое достоинство. И победил человек, который словно носит два месяца за пазухой гремучую змею. Но сладка жизнь, и опять светлые нити надежды появляются в груди Урузмага: «Не всегда бывают верны слова доктора... доктор тоже человек, а человеку свойственно ошибаться, да, с этой болезнью по несколько лет тоже живут...»

[6, с. 30]. Недолгими бывают эти грезы, растворяются в воздухе. Урузмаг понимает, что обманывает сам себя, тщетно пытается себя «утешить», что пришло время отрезвляющей и бодрящей правды – время возвращать долги.

По-человечески хочет умереть Урузмаг. «Смерть человека» (в осетинском варианте) – недаром так называется повесть. Все смертно на земле, начиная от букашки и заканчивая человеком. Но человек как в жизни отличается от животных, так и в смерти должен отличаться.

Эти «два месяца», испытывающие мужество Урузмага, стали связующим звеном двух миров, своего рода чистилищем.

Необходимой частью этого чистилища становится труд. В повести мы видим один из самых замечательных обычаев у осетин – зиу (коллективную помощь немоющему или бедному). Когда человек не справлялся один, ему приходили на помощь родственники, а чаще соседи. Хозяину не позволяли трудиться; ему полагалось всего лишь приготовить угощение помощникам. Часто и угощение приносили соседи, что сильно его выручало. К этому прекрасному обычаю и прибегнул Урузмаг, когда Тода вдруг захотел отремонтировать мельницу. Он знал, что выпить пива из солода, смолотого на этой мельнице, ему не придется. Смерть не позволит. Однако он руководствуется другим соображением: пиво нужно сварить, и лучше Урузмага это никто не сделает.

Потом Урузмаг предложил старикам подлатать крышу хлева Гассион: «Я так думаю, что хлев у Гассион тоже надо подлатать. Стидно же – целая деревня родичей, а хлев у вдовы завалится. Пойдем, поможем Гассион» [6, с. 32].

Никакого писательского принуждения нет в том обстоятельстве, что труд для героев повести Нафи Джусойты есть дело жизненно необходимое, «вопрос номер один», что, даже прощаясь с жизнью, Урузмаг помогает Тоде починить мельницу, вдове Гассион латает крышу хлева, а в собственном доме приводит все в порядок. «Прощаясь с жизнью, он не сжигает мостов, а как бы прокладывает их в будущее» [3].

Лишь для одного дела он так и не нашел времени. Когда-то, во времена колхозного строительства, в их горной деревушке Урузмаг несколько лет был председателем, пока не пришли на смену более грамотные люди. Теперь всем бывшим сардарам (председателям) назначена хорошая пенсия, а его забыли включить в список. «Ачибка получилась» [6, с. 32], – пояснили в районе. Хлопотать об исправлении обидной ошибки раньше все было недосуг, а теперь уж и вовсе – зачем мертвому пенсия? «Может, хотя бы ради престижности? Был, мол, такой-то персональным пенсионером. Но все понятия эгоистического ряда неведомы его натуре» [3]. И то, что именно для суеты и тщеславия не нашлось у Урузмага времени, – тоже принципиальное для содержания повести обстоятельство.

Уходит старый Урузмаг, но какой он старый – разве шестьдесят лет это много? – он постарел от тяжелой жизни. Никогда не запятнал свою честь. Даже когда умерла его жена, не женился во второй раз: было неловко перед детьми. Так было всегда, так и сейчас, когда он даже не намеркнул ни сыну, ни друзьям, что знает срок своей кончины. Работа совести Урузмага не прекращается ни на минуту. Перед его глазами проходит вся его жизнь, и он ищет в ней пятна: может, кому-то причинил зло, может, кому-то не сделал добра, когда мог и следовало.

Ищет, но не находит, и все-таки просит прощения у людей (абсолютно христианский мотив). Обходит и прощается со всеми.

Трогательный апофеоз доброты Урузмага мы находим в следующем обстоятельстве. Урузмаг обеспокоился даже тем, что после его смерти Басил женит сына, и свадьба будет без музыки, без веселья. И потому поторопил Басила сыграть свадьбу поскорее, чтоб она была веселой. Урузмаг – живой человек, никак не свод добродетелей, это – характер, вылепленный природой, сформированный вековыми народными традициями и представлениями о морали и нравственности, о том, что хорошо и что плохо. «...Огромное мужество и моральную жизнестойкость проявил Урузмаг, зная о

своей смерти. Последние дни жизни, как песнь соловья, звонко и красиво пропел, пропел и спокойно умер» [4].

Таков Урузмаг, далекий отпрыск Нартов, недаром повесть от начала и до конца переполнена реминисценциями и аллюзиями известного нам сказания.

Повесть учит человека жить красиво и умереть красиво, учит «мужеству жить без утешения» [6, с. 139] Но автор говорит об Урузмаге не «умер», а – «ушел». То же самое (хоть иначе) сказал Распутин о своей старухе Анне в повести «Последний срок» (данные произведения, безусловно, сближаются и по критерию деревенской темы, и по фабуле, и потому заслуживают отдельного сопоставительного анализа): размышляя об умирающей матери, Михаил говорит: «Отца у нас нет, а теперь мать переедет, и все, и одни» [8, с. 32]. Урузмаг ушел в другой мир, но читатель, как и прежде, ощущает его присутствие, подчиняясь той огромной силе жизни, которой Урузмаг одолел страх смерти.

Такие люди, как Урузмаг, не умирают. Их красота и благородство делают их бессмертными. Урузмаг ушел, чтобы вернуться в новом качестве – не только в памяти вымышленных односельчан, но и в литературном сознании реальных осетин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алборты Х.Н. Подобно корням и кроне. – Цхинвал: Ирристон, 1985.
2. Булкъаты М. Цард æмæ лæгдзинады аналоги // Советон Иррыстон, 1976, 20 май.
3. Высоцкая Н. Выйти за пределы // Литературная газета, 1978. 9 августа (№ 32).
4. Гаглоиты В. Царды зарæг – уарзты зарæг // Фидиуæг, 1977. № 10.
5. Давыдов Ю. Этика любви и метафизики своеволия. – М., 1982.
6. Джусойты Н.Г. Возвращение Урузмага // Джусойты Н.Г. Реки вспять не текут. – М.: Советский писатель, 1981.
7. Карякин Ю. Самообман Раскольникова. – М., 1976.
8. Котенков Н.Н. Валентин Распутин. – М., 1988.

BETWEEN LIFE AND DEATH: MORAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT IN THE NOVEL BY NAFI DZHUSOYTY «URUZMAG'S RETURN»

Gazdarova A.H.

PhD in Philology, Associate Professor of Ossetian literature of North Ossetian State University. e-mail: azagazdarova@mail.ru

Abstract. This article highlights the ethical and philosophical aspects of the ideological and artistic content of the story by national Ossetian writer Nafi Dzhusoyty «Uruzmag's Return». Some issues directly related to the comprehension of Ossetian psychology of the Soviet era, with the search for life's meaning and with the approval of the positive value orientations are considered in the article. Some issues, for example, how to solve the old age question in the story of human existence are investigated. The main idea of the text is found in the article.

Keywords: village theme, story, life and death, fear of death, immortality, human dignity, the theme of the road, the national etiquette.

REFERENCES

1. Alborly Kh.N. Podobno kornyam i krone. – Tskhinval: Iriston, 1985.
2. Bulk'aty M. Tsard æmæ lægdzinady analogi // Soveton Iryston, 1976, 20 may.
3. Vysotskaya N. Vyyti za predely // Literaturnaya gazeta, 1978. 9 avgusta (№ 32).
4. Gagloyty V. Tsardy zaræg – uarzty zaræg // Fidiuæg, 1977. № 10.
5. Davydov Yu. Etika lyubvi i metafiziki svoevoliiya. – M., 1982.
6. Dzhusoyty N.G. Vozvrashchenie Uruzmag'a // Dzhusoyty N.G. Reki vsyat' ne tekut. – M.: Sovetskiy pisatel', 1981.
7. Karyakin Yu. Samoobman Raskol'nikova. – M., 1976.
8. Kotenkov N.N. Valentin Rasputin. – M., 1988.